

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 16—23.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 16—23.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.46726/И.2023.3.2

«БЫТИЕ-ВМЕСТЕ» И РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ В ТЕКСТАХ М. ЕРЕМИНА 2010-х ГОДОВ

Елена Евгеньевна Андреевна

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается поэтическое творчество М. Еремина 2010-х годов через призму субъектно-пространственных отношений. Автор, чья поэтика характеризуется образным и стилистическим разнообразием, включающим работу с естественно-научным, религиозным, историко-культурным контекстом, традиционно считается трудным для читательского и исследовательского восприятия, поскольку привычные способы анализа поэтического текста не всегда позволяют раскрыть многоплановость и парадоксальность художественного мира поэта. Композиционная герметичность стихотворений, формальное отсутствие в текстах лирического субъекта, сложный синтаксис, сопряженный с использованием устаревшей лексики и научных терминов, дали основание исследователям охарактеризовать творчество Еремина как «поэтику словаря», которая нуждается в новых способах прочтения и интерпретации. Одним из таких способов, на наш взгляд, является изучение семантики и функционирования в текстах таких художественных категорий, как «субъект» и «пространство», которые рассматриваются в тесной связи друг с другом. Отмечается, что особый подход к экспликации субъективного через пространственные смещения и трансформации выражается у Еремина в концептуальном понимании мироздания как «бытия-вместе», а текст становится возможностью фиксации соположения лирического и объективного.

Ключевые слова: лирический субъект, пространство, субъектно-пространственные отношения, инновативная поэзия, филологическая школа

Для цитирования: Андреевна Е.Е. «Бытие-вместе» и распределенный субъект в текстах М. Еремина 2010-х годов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 16—23.

Original article

“BEING-WITH” AND THE DISTRIBUTED SUBJECT IN M. EREMIN’S TEXTS OF THE 2010’S

Elena E. Andreyanova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru

Abstract. The article examines M. Eremin's poetic creativity of the 2010's through the prism of subject-spatial relations. The author, whose poetics is characterized by an imaginative and stylistic diversity, including work with a natural-scientific, religious, historical and cultural context, is traditionally considered difficult for readers and researchers to perceive, since the usual methods of analyzing a poetic text do not always allow to reveal the multiplicity and paradoxicality of the poet's artistic world. The compositional tightness

of the poems, the formal absence of a lyrical subject in the texts, the complex syntax associated with the use of outdated vocabulary and scientific terms gave the researchers reason to characterize Eremin's work as “dictionary poetics”, which needs new ways of reading and interpretation. One of such methods, in our opinion, can be the study of semantics and functioning in texts of such artistic categories as “subject” and “space”, which are considered in close connection with each other. It is noted that a special approach to the explication of the subjective through spatial juxtapositions and modifications is expressed in Eremin's conceptual understanding of the world as “being-together”, and the text becomes an opportunity for objective fixation of the juxtaposition of the lyrical and objective.

Keywords: lyrical subject, space, subject-spatial relations, innovative poetry, philological school

For citation: Andreyanova E.E. “Being-with” and the distributed subject in M. Eremin's texts of the 2010's, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 16—23.

Пятая книга стихов М. Еремина (в ней собраны тексты 2010-х годов) вызывает исследовательский интерес в связи с возросшей актуальностью творчества авторов-классиков в контексте развития инновативной поэзии и обнаружения ранее не замеченных и не артикулированных стилистических, тематических и прагматических сходств авторов 1970-х годов и поэтов, создающих тексты в нынешней культурно-исторической ситуации. Тексты М. Еремина 2010-х годов еще не становились предметом изучения литературоведов, однако их концептуальное и художественное наполнение созвучно текстам молодых поэтов, которые исследуют новые способы осмысления реальности, основанные не столько на эмпирическом опыте, сколько на рационально-философской деконструкции мира. Так, одним из современных инновативных авторов, чья поэтика оказывается близкой Еремину, можно считать Н. Сафонова, в чьих текстах, как и в стихотворениях одного из основателей филологической школы, улавливается стремление запечатлеть помысленное и краткое во времени, но длящееся в пространстве явление; описать ландшафт, состоящий из утраченных и парадоксальных деталей, беря во внимание не материальный факт, а саму мысль о возможности материального, выраженную с максимальной семантической точностью, исключающей аффективные наращения. Обоим поэтам присуще особое понимание таких художественных категорий, как «субъект» и «пространство», которые рассматриваются в тесной связи друг с другом, но при этом меняют свое функционально-семантическое наполнение, организуя текст как поле соположений и трансформаций, в котором лирический нарратив замещается проектированием когнитивных пространств и объектов.

А.А. Житенев характеризует творчество М. Еремина как «поэтику словаря» — попытку создать текст, лишенный эмоциональных наращений, который «фактически растворяет семантический сюжет в ситуации выбора слова, в незавершенности ассоциативного поиска» [Житенев]. В некотором смысле это не столько языковая изощренность, сколько математическая точность формулы, свободной от конкретики и контекста: «Тяготение к формуле, объясняемое то принципом “смысловой метонимии”, то эффектом “соположения “встык” разных элементов опыта”, оказывается естественным следствием такого понимания “лирического”, в котором все определяет “конфликт между временной логикой языка и пространственной логикой стихотворения”. Текст М. Еремина основывается на растянутой во времени реакции на событие, многослойная рефлексия над которым определяет логику стиливого развертывания» [Там же]. Потому стихотворения наполнены иероглифами, символами, ботаническими или математическими терминами: все это — чистый знак, лишенный

интерпретаций, но рождающий интерпретации при чтении, поскольку он не пуст, а наоборот, сконцентрирован и наполнен, вычленен из потока очевидных метафор и сравнений и сопоставлен с теми объектами, которые недоступны при беглом прочтении или просматривании непосвященному читателю.

К. Корчагин характеризует поэтику М. Еремина как «альтернативный сценарий преодоления безвременья» [Корчагин], а используемые Ереминым отсылки к различным литературным, религиозным и историческим источникам как элементы, которые «помогают связать руинированное пространство безвременья единой мыслью или образом, увидеть в нем на первый взгляд отсутствующую целостность» [Там же]. Во многом подобный взгляд на пространство как на «музей руин», нуждающийся в реанимации раздробленных и расщепленных объектов, близок поэтике самого Корчагина, который видит необходимость посредством поэтического текста преодолеть разрывы между культурно-историческими эпохами, связать их друг с другом в поле субъективного осмысления. Однако, на наш взгляд, созидательность, присущая Еремину, обуславливается не желанием «преодолеть безвременье», а интенцией это безвременье зафиксировать и задокументировать, подняться над ним, оставив субъективное и приняв безвременье как заключенную в пространстве данность: «В циклопическом, беспрецедентном для русской поэзии словаре Михаила Еремина, включающем и литературный стандарт, и архаизмы, и диалектизмы <...> отсутствует одно слово, обогнавшее в русском языке по частотности все остальные. Это слово *Я*» [Завьялов: 11].

Субъект текстов Еремина близок инновативному субъекту авторов, продолжающих развитие «драгомощенковской» линии в поэзии: «Известный тезис: “я существую постольку, поскольку существует другой”, — замещается иным: “так как мое “я” отстоит от моей сущности, то и “другой” в этом случае утрачивает насущность”. Да, панъевропейский диалогизм управляет любым повествованием, но не письмом поэзии. “Ты” и “я”, “прошлое” и “будущее”, “и” и т. д. могут быть исчерпаны в метафоре раковины, вращающей на одной оси внешнее и внутреннее, влагу и песок, присутствие и отсутствие, раковины, бывшей некогда в один и тот же миг инструментом зова и лабиринтом слуха. Определенности не наблюдается» [Драгомощенко: 160—161]. Подобный отказ от «насущности» побуждает субъекта соединиться с пространством по принципу неразличения, отказаться от выстраивания границ между собой и окружающим миром, поскольку любая идея границы нереализуема. Субъект определяется как «скриптор», который «прозревает контуры классической эпохи (эпохи, знавшей историю), но вынужден иметь дело с ее руинами — распадающимися манускриптами, содержащими разнородные и разрозненные сведения» [Корчагин]. Однако, по нашему мнению, ограничивать горизонт описываемой Ереминым реальности лишь историческим контекстом было бы не вполне объективно, поскольку обозреваемые субъектом территории гораздо обширнее, и природно-бытовое пространство интересует его не меньше, а подчас и больше, чем культурные объекты:

Не малахитились бы заводы и старицы,
 Не полнились бы реки ядом в цвет пигмента жизни,
 Когда бы ни эвглени, ни фистерии (Не наибольшие,
 А малые не худшего, возможно, из миров.)
 Усердно следуя древнейшему
 Завету дождевой поры,
 Не ставили бы на кон самости во имя
 Репродуцирования [Еремин: 286].

В тексте «Не малахитились бы заводы и старицы...» отмечаем взаимодействие будущего и прошлого, выраженное через пространственно-объектные отношения: «поэзия Еремина в особом смысле визуальна — за каждым стихотворением стоит цельный образ, порождаемый пересечением прошлого и будущего» [Корчагин]. В данном стихотворении цветущая вода, поменявшая цвет из-за размножения в ней фитопланктона, становится образом, в котором соединяются и смертные мотивы («не полнились бы реки ядом»), и надежда, и утверждение жизни как силы, противостоящей разрушению («ядом в цвет пигмента жизни», «не ставили бы на кон самости во имя репродукции»). «Отравляющее» прошлое сходится с «репродуцирующим» будущим в точке опространственного настоящего — «не малахитились бы заводы и старицы». Естественный природный мир, по Еремину, это пространство, в котором прошлое и будущее не противопоставлены друг другу, как плохое и хорошее или как разрушающее / создающее, а представлены как стороны одного явления, внутреннее и внешнее. Можно заметить особое внимание Еремина к объектам микромира, которые являются составными элементами «гиперобъектов»: «Гиперобъект — вещь, пространственно-временной масштаб которой настолько огромен, что мы можем видеть лишь тонкие ее срезы; гиперобъекты синхронизируются и рассинхронизируются с человеческим временем; но в конечном счете они “заражают” всё подряд» [Мортон: 132]. Эвглены и фистерии, несмотря на их микроскопический размер, и являются тем «тонким срезом» пространственной экосистемы, их существование основывается на тех же принципах, по которым существует природный «гиперобъект».

Соглашаясь с определением «скриптор», мы понимаем его, в первую очередь, с постструктуралистской точки зрения: «Всевозможными уловками, которые пишущий субъект устанавливает между собой и тем, что он пишет, он запутывает все следы, все знаки своей особой индивидуальности; маркер писателя теперь — это не более чем своеобразие его отсутствия» [Фуко]. Но позволим себе внести определенные разъяснения, применимые к субъекту текстов М. Еремина. Невыраженное субъективное — это «отсутствие» формальное, но не семантическое. Субъект, напротив, присутствует во всех объектах мира, распространяется по его мельчайшим деталям и соотносится с листком, деревом, книгой, колонной. Для Еремина пространственность — это не замещение субъективного пространственным, а совпадение форм существования, та самая гармония, в которой отказ от различия позволяет проектировать, создавать и означать без привязки к конкретному: «То есть Еремин одновременно и растение (нет, не цветок), и приставленный к нему прибор исследователя» [Айзенберг].

Распространенное присутствие позволяет субъекту замечать малейшие колебания реальности, резонировать с ними, как бы переносясь в наблюдаемые объекты: «Охватными порывами и дуновениями / Перебираемые иверные струны / Звучат (Не воплощенье замысла и не импровизация.) / Не для того, кому случилось / Услышать / Ни для кого» [Еремин: 246]. Звук, фиксируемый субъектом и определяемый им как «не воплощенье замысла и не импровизация», не предполагает ни создателя, ни реципиента. Момент же соположения субъективного и пространственного происходит через «отклик» в «звучащем»: «Видимое — то, что можно увидеть, звучащее — то, что кто-то может или не может услышать, поле звуков, которое распределяется в некоторых условиях, которые мы можем воспринять (или не воспринять)» [Сафонов]. Н. Сафонов, занимающийся изучением политики звука, определяет слушание, вслед за Ж.Л. Нанси, следующим образом: «Слушание — это процесс, когда сознание выходит из самого себя, чтобы встретиться со значением, ждёт, какое значение

срезонирует» [Там же]. В текстах М. Еремина резонанс между значением звучащего и механизмами, которыми субъект может это значение воспринять, сопровождается еще и визуальным конструированием «звучащего», визуализацией невидимых, но возможных ландшафтов, в которых «звучащее» возникает. Таким образом создается визуально-аудиальное поле, передающее субъекту импульсы: «Ни клыканья, раската, трели, свиста, / Почина, дробь и оттолчки (В сумерках — / С апреля по июнь.)» [Еремин: 263]; «Заслышав (Так ли, нет, но схожи, говорят, / Строение ферментов плоти / Растения и темперированный строй.) / Chanson macabre бензопилы, / Оглядывает трепетной поверхностью / Свой светлотемный мир» [Еремин: 302]. Упорядоченное строение ферментов плоти оказывается схожим с музыкальным строем, в котором каждая октава делится на равные интервалы, а жуткая песня бензопилы неуместно звучит в «светлотемном» мире, где дерево оказывается «застигнутым урочной валкой». Субъект и видит, и слышит процесс рубки леса, причем и визуальная, и аудиальная составляющая соединяются в статичной «трепетной поверхности», а текст становится экфразисом «пред-исчезновения» [Валиева: 445].

Координация между субъектом и пространством происходит посредством масштабирования, субъект либо может находиться на «далеких», обзорающих позициях, либо переноситься в объекты и территории, но не деформируя последние субъектным вмешательством. Отталкиваясь от философской концепции Нанси, существование субъекта и пространства можем определить как «бытие-вместе»: «Но это общее пространство не является предсуществующим вместилищем по отношению к вещам: оно рождается, напротив, из этого положения. Это положение есть рядо-положенность, то есть положение одних рядом с другими, и рас-положение (dis-position), то есть позиция в отрыве одних от других. Корреляция рядо- и рас- даёт точную меру “вместе”: размещение на расстоянии и близость. В мире, как говорится, всё расставлено и близко (но нет “внутри”, или это “внутри” целиком и полностью образовано бытием-одних-вовне-других всех существ)» [Нанси 2013: 25].

Повсеместность и дистанцированность позиции субъекта определяется свойствами пространства, которое существует рядом с субъектом, но сохраняет герметичность:

Не быть ли замиренным наблюдателем
И зорь, и бурь? (Не аллергенны
Ни белая акация,
Ни красные гвоздики.) Или быть
Участником, чье мировидение оснащено
От наноскопа
До оптики прицела? Или
Не быть? [Еремин: 294]

Отметим, что «участник», по Еремину — это не производитель или трансформатор, а такой же «наблюдатель», но вооруженный более детализированной оптикой, позволяющей увидеть мельчайшие детали объектов, однако подобная оптика не нейтрализует трансцендентальный разрыв, произошедший, по определению Т. Мортон, между «вещами» и «веще-данными»: «Ни один режим доступа не может исчерпать все качества и характеристики вещи. Следовательно, вещи открыты, они уклоняются от полного доступа. Вы не можете мысленно схватить всё то, чем является яблоко, поскольку вы забыли его попробовать» [Мортон: 29].

Таким образом, дистанцированное от пространственных объектов или распределенное по ним положение субъекта, обуславливающееся способностью воспринимать, но не «перенимать» пространственную идентичность,

определяет такой способ организации субъектно-пространственных отношений, в которых взаимодействие концептов обусловлено не структурным, а онтологическим соположением: сущность субъекта — отражать и описывать пространства, тем самым их изучая, сущность пространства — быть изучаемым через отражение: «Дело тут в отношении Еремина к смысловому пространству стихотворения. Он не старается разомкнуть его границы; задача автора противоположна: пространственные фигуры его вещей замкнуты и подобны сферам. Такая законченность в идеале должна была бы стать просто *словарным значением*. Но это слова того языка, которым записано наше сознание» [Айзенберг]. Результатом изучения становится поэтический текст, в котором субъектно-пространственные масштабы сводятся в одной системе координат: «построение текста как парадигмы сопоставлений, в которой перебираются не только признаки, способные акцентировать главное в объекте, но и разные представления о его бытийном статусе» [Житенев].

Исследуемые и отраженные пространства в поэтике Еремина 2010-х годов разнообразны, однако их объединяет, верно подмеченная К. Корчагиным, насыщенность объектами-следами, «позволяющими если не восстановить пропущенные звенья, то вплотную приблизиться к ним — увидеть точку отсутствия, в которой, судя по всему, и заключено поэтическое как таковое» [Корчагин]. В этих объектах-следах хранится тот самый доступ к сути вещей, которая никогда не может быть постижима в полной мере:

Для распознавания неведомых графем
Разыскивает параллельный текст глоссолог
Лазутчик для криптолога выведывает ключ.
В делах житейских
Порою выручает опыт. Не нарушив
Запрета, то, бишь не вкусив плода познания,
Едва ли было не разгадать коварный смысл
Узорной кожи первого карполога [Еремин: 316].

Следы рассматриваются как уже самодостаточное значение, как элемент, который также должен быть описан и зафиксирован, как одна из форм «возможного» значения. Его можно только описать, но реанимировать, возродить, переозначить не представляется возможным, поскольку подобное вмешательство противоречит самой сути объектов: «...Некто через годы углядит / В неразберихе дурнолесья след былого и, возможно, / Замыслит возрожденье или умилится, / Приняв свободу одичанья за возвращенье / К нерукотворной первозданности» [Еремин: 343]. Потому объекты могут отражаться, но не меняться, они наделены свободой от субъективного и могут существовать согласно своей собственной логике, в которой присутствуют распад и забвение, разложение и исчезновение. По Еремину, принять несовершенство вещи — это принять саму вещь, а не мысли и суждения, которые, наоборот, делают знание о ней максимально далеким от истинного. В этом проявляется доверие субъекта окружающему миру, его порядку и структуре, которая может организовывать себя сама, не требуя дополнительных вмешательств: «Благо, если в срок / Зазимок замалюет грунт гиперборейским монохромом, / Которому урочно распадаться / На примулы, вероники, гвоздики, астры / И все постлетние оттенки» [Еремин: 273].

Распад и разрушение, таким образом, рассматриваются не с негативной точки зрения, а как этапы постоянного продуцирования жизни, движения, создания нового, которое не редуцирует предшествующее, а вбирает в себя это предшествующее: «Есть некие строения, в которых / Две памяти: живущего и жившего — / Взаимодействуют и пробуждают образ, / Столь памятный,»

что легко проходит сквозь дверной, / Давно заложенный проем. Не потому ли / Реинкарнация предполагает амнезию, / Дабы не билась плоть о стену, памятуя, / Что она не предначертана проектом?» [Еремин: 256]. Две памяти создают образ, нематериальный, но видимый, способный проходить сквозь «давно заложенный проем». То есть память обладает продуцирующей силой, а будущее же, наоборот, должно существовать без памяти — «реинкарнация предполагает амнезию»: «У этого завершения много имен (присвоение, осуществление, сигнификация, предназначение и т. д.); одно из имен, в частности, “репрезентация”. Репрезентация это то, что определяет себя посредством своего собственного предела. Это делимитация, для субъекта и посредством него, того, что “в себе” никогда не будет ни репрезентированным, ни репрезентируемым» [Нанси]. Образ, созданный настоящим и прошлым, не должен содержать в себе память об этом создании, поскольку это нарушает саму логику существования вещей: разрыв между задуманным и воплощенным не переносится на воплощенное, иначе его функционирование будет невозможным, поскольку репрезентация «не предначертана проектом».

Таким образом, субъектно-пространственная организация текстов М. Еремина 2010-х годов обуславливается, в первую очередь, соположением субъекта и пространства как гармонизирующих концептов, существующих «вместе», но не «совместно». Субъект, то отдаляясь от объектов, то, наоборот, перемещаясь в них, не перенимает пространственную семантику, оставаясь все-таки тем самым участником с мировидением, оснащенным «от наноскопа до оптики прицела». Поэтический метод Еремина схож с научными опытами натуралиста или биолога, который стремится увидеть мир в мельчайших деталях, описать все стадии его развития, но при этом не нарушить хрупкость структуры изучаемых объектов [Гулин]. В таком понимании текст становится способом объективной передачи взаимоотношений между элементами реальности, в которых одним из главных понятий становится баланс — единственно возможный способ координации лирического и объективного.

Список литературы / References

- Айзенберг М. Лист и словарь // OpenSpace.ru. 2011. 31 мая. URL: <https://os.colta.ru/literature/projects/130/details/22743/?expand=yes> (дата обращения: 15.06.2023).
(Aizenberg M. Leaf and dictionary, *OpenSpace.ru*, 2011, 31 may. — In Russ.)
- Валиева Ю. Прожить в отечестве... // Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 424—446.
(Valieva Yu. To live in the Fatherland..., *Eremin M. Poems*, Moscow, 2021, pp. 424—446. — In Russ.)
- Гулин И. Все тайное становится одой // Коммерсант Weekend. 2021. № 25. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4897702> (дата обращения: 15.06.2023).
(Gulin I. Everything secret becomes an ode, *Kommersant Weekend*, 2021, no. 25. — In Russ.)
- Драгомощенко А. Местность как усилие // Драгомощенко А. Тавтология. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 456 с.
(Dragomoshchenko A. Terrain as an effort, *Dragomoshchenko A. Tautology*, Moscow, 2011, 456 p. — In Russ.)
- Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 464 с.
(Eremin M. Poems. Moscow, 2021. 464 p. — In Russ.)
- Житнев А.А. Михаил Еремин: поэтика словаря // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18515/ (дата обращения: 15.06.2023).

(Zhitenev A.A. Mikhail Eremin: poetics of the dictionary, *New Literary Review*, 2012, no. 113. — In Russ.)

Завьялов С. Отражение в зеркальных водоемах мерцающих над нами звезд // Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5—15.

(Zavyalov S. Reflection in mirror reservoirs of stars twinkling above us, *Eremin M. Poems*, Moscow, 2021, pp. 5—15. — In Russ.)

Корчагин К. В поисках предсказанного времени. О новой книге Михаила Еремина // Новый мир. 2014. № 7. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_7/Content/Publication6_1178/Default.aspx (дата обращения: 15.06.2023).

(Korchagin K. In search of the predicted time. About the new book by Mikhail Eremin, *Novyi Mir*, 2014, no. 7. — In Russ.)

Мортон Т. Стать экологичным. М.: Ад Маргинем, 2019. 240 с.
(Morton T. Become eco-friendly, Moscow, 2019, 240 p. — In Russ.)

Нанси Ж.Л. Рожденное присутствие. URL: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/09/6nnc.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

(Nancy J.L. Born presence. — In Russ.)

Нанси Ж.Л. Бытие вместе и демократия // *Topos*. 2013. № 2. С. 20—29.

(Nancy J.L. Being together and democracy, *Topos*, 2013, no. 2, pp. 20—29. — In Russ.)

Сафонов К. Политика шума и философия звучащего. URL: <https://syg.ma/@safonov/nikita-safonov-politika-shuma-i-filosofia-zvuchashchiegho> (дата обращения: 15.06.2023).

(Safonov K. The politics of noise and the philosophy of the sounding. — In Russ.)

Фуко М. Что такое автор? Выступление на заседании Французского философского общества 22 февраля 1969 года в Колледж де Франс под председательством Жана Валя // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (дата обращения: 15.06.2023)

(Foucault M. What is an author? Speech at the meeting of the French Philosophical Society on February 22, 1969 at the College de France under the chairmanship of Jean Val, *Foucault M. The Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years*, Moscow, 1996. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 09.06.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 09.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Андреянова Елена Евгеньевна — аспирантка кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Elena Evgenievna Andreyanova — post-graduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru